

— Ну же, Эрдгоу, назови меня братцем Ситином!

— Братец Ситин...

— Ох, какой послушный мальчик.

«Ситин» — так звали Лю Чжэньцина в его прошлой, современной жизни. Оказавшись в этом мире, пользоваться прежним именем он, разумеется, больше не мог. К счастью, покойный старый маркиз отличался легким нравом. Когда Лю Чжэньцин изъявил желание самостоятельно выбрать себе второе имя, тот без лишних вопросов согласился. Так что с самого детства мальчик твердо решил, что его будут величать Ситином. Он настойчиво приучал окружающих звать себя «братцем Ситином» — это служило ему тайной данью памяти о прежнем земном существовании.

Но однажды, после долгой разлуки с Эрдгоу, Лю Чжэньцин вместо привычного приветствия вдруг услышал:

— Цин-гэ.

Молодой человек тогда лишь недоуменно моргнул. С чего бы вдруг такие перемены?

На расспросы Эрдгоу лишь упрямо буркнул, что ему так больше нравится, да и звучит «Цин-гэ» куда приятнее.

Позже Хо Фэйхань по секрету объяснил: просто младший брат как-то услышал, как крутящиеся рядом девчонки щебечут «братец Ситин», и немедленно надулся.

Лю Чжэньцин тогда всё понял без слов: юному воину претило звать своего названного брата так же, как его звали нежные барышни. Не по-мужски это, видите ли.

Хо Фэйхань его решение полностью поддержал — мол, парень вырастет, к чему эта детская слащавость в обращении.

Так новое прозвище и прижилось. Звучало оно тепло и уважительно, вот только со временем Лю Чжэньцин заметил странную деталь: кроме Эрдгоу его так никто не называл.

Как-то раз, решив подразнить одну знакомую девчущку, он шутливо предложил ей назвать себя «Цин-гэ». Бедняжка мгновенно залилась краской и пустилась наутек, а Ли Синжо наградила шутника таким выразительным взглядом, что ему стало не по себе.

Лю Чжэньцин лишь невинно развел руками. Подумаешь, ведь это обращение звучит куда ближе и теплее, чем официальное «братец Ситин»!

Ли Синжо тогда язвительно протянула:

— Да неужели? «Цин-гэ»? А не боишься, что это примут за «желанного суженого»?

До Лю Чжэньцина мгновенно дошел скрытый смысл созвучия слов, и с тех пор он зарекся набиваться в «братцы Цин» к молодым особам во избежание двусмысленных намеков.

Так и вышло, что до самого конца его первой жизни лишь один человек на всем белом свете звал его этим именем.

Очнувшись ото сна, молодой человек еще какое-то время пребывал в полузабытьи. Ему чудилось, будто чей-то тихий, настойчивый голос без конца зовет его по имени. От этого наваждения по спине прошел леденящий холодок. Однако, окончательно вернувшись в реальность, он понял, что его действительно кто-то зовет.

Вот только звали его теперь совсем иначе:

— Дядюшка Лю...

Лю Чжэньцин с трудом разлепил веки и повернул голову. Прямо у его постели выстроились двое ребятишек, во все глаза разглядывая соню. От неожиданности молодой человек кубарем взвился на постели, судорожно прижимая к груди свое единственное спасение... пуховую подушку.

Несколько мгновений они молча переглядывались. Наконец Лю Чжэньцин со вздохом потер виски:

— Ну и ну... Молодой господин Хо, с вами всё ясно, но вы, юная леди, как могли без спроса войти в чужую спальню?

Хо Юньцы недовольно надула губы:

— Да солнце уже в зените! Мы у дверей истоптались, звали-звали, а в ответ ни звука. Решили, что с вами стряслось чего.

Лю Чжэньцин взглянул на яркие лучи, заливающие комнату, и мысленно ахнул. Надо же было так беспробудно задряхнуть!

— И вообще, спите вы как-то... жутковато, — с явным пренебрежением добавила девочка.

Лю Чжэньцин недовольно выпустил из объятий многострадальную, изрядно помятую подушку

и, накинув на плечи халат, проворчал:

— И вовсе не жутковато.

Просто со сна он терпеть не мог класть голову на возвышение, предпочитая использовать подушку в качестве большой и мягкой куклы-обнимашки, ухватив ее и руками, и ногами.

— Если бы у этой подушки была душа, вы бы ее точно придушили, — безжалостно съязвила Хо Юньцы.

Лю Чжэньцин оскорбился до глубины души. Какое преувеличение! В былые времена, когда Эрдгоу был совсем крохой, он частенько засыпал в его постели. Просыпаясь поутру, Лю Чжэньцин обнаруживал себя точно в такой же позе, намертво стиснув мальчишку в объятиях, и ничего — тот остался жив-здоров.

Хотя... если подумать, едва округлившись и немного повзрослев, Эрдгоу наотрез отказался делить с ним ложе.

Лю Чжэньцин задумчиво коснулся щеки.

«Неужто и впрямь испугался, что я его ненароком придушу во сне? Маленьким-то сопротивляться не мог, а как подросток — сразу смекнул, что пора бороться за выживание...»

Внезапно его прошиб холодный пот. Позвольте, если он так спит... Нет-нет, глупости. Одно дело дети, но великий генерал Хо Фэнле — человек благородный и строго воспитанный, он ни за что не станет без спросу шастать по гостевым покоям посреди ночи и подглядывать за чужим сном.

— Так, цыц. Чтобы никому ни слова об этом, — напустив на себя строгий вид, пригрозил Лю Чжэньцин.

Хо Юньцы лишь хихикнула, решив, что гость просто боится показаться смешным.

— А теперь марш отсюда. Или желаете посмотреть, как я умываюсь и переодеваюсь? — нахмурился молодой человек.

Хо Юньцзянь поспешно ухватил сестру за руку и увлек ее за дверь.

Когда Лю Чжэньцин, приведя себя в порядок, наконец вышел в залу, выяснилось, что близнецы терпеливо ждали его, чтобы вместе позавтракать.

— С чего это вы решили составить мне компанию? — удивленно поинтересовался он, усаживаясь за стол.

Хо Юньцзянь с вежливой улыбкой пояснил:

— Второй дядя велел нам присмотреть за вами и строго-настрого наказал не выпускать за пределы усадьбы. К тому же, дядюшка Лю, вы спасли нас, и мы обязаны были высказать свою признательность лично.

С этими словами брат и сестра чинно поклонились по всем правилам этикета.

— Оставьте церемонии, — отмахнулся Лю Чжэньцин, жестом приглашая их к трапезе. — Сейчас ваша усадьба и ваш дядя — мое единственное спасение. Кстати, он вернулся вчера? Где он сейчас?

— Кажется, приехал глубокой ночью, а на рассвете снова отбыл по делам, — ответил Хо Юньцзянь. — Дядюшка Лю, вам лучше спокойно отдыхать здесь. Пока дядя в столице, любые невзгоды отступят.

— Вот уж точно! Дядя у нас самый сильный, ему всё нипочем, — тут же подхватила Хо Юньцы, чьи глаза загорелись неподдельным восторгом.

Очевидно, для этих двоих генерал Хо был непререкаемым авторитетом и кумиром. Слегка умерив пыл, девочка с любопытством спросила:

— Я слышала, будто вашу семью обвиняют в махинациях на императорских экзаменах. Но ведь это ложь, правда?

Лю Чжэньцин отхлебнул теплого соевого молока и прищурился:

— С чего ты взяла, что это ложь?

Ребята дружно закивали.

Лю Чжэньцин невольно удивился. Какие бы толки ни ходили в свете, дети такого возраста обычно легко поддаются чужому мнению. Учитывая всеобщую неприязнь к дому Лю, они должны были перенять эти настроения. Неужели его личное обаяние оказалось столь велико, что заставило их проникнуться к нему безграничным доверием? Ну еще бы, ведь он их названный отец, кому как не ему занимать столь почетное место в их сердцах!

Пока Лю Чжэньцин предавался сладостному самолюбованию, Хо Юньцы без обиняков выпалила:

— До нас дошли слухи, что главным зачинщиком признали этого выскочку Жун Шимина. Но ведь он увел у вас невесту! Вы же терпеть друг друга не можете, с какой стати семье Лю помогать заклятому врагу? Тут явно что-то нечисто. Да и вообще, по сравнению с этим мерзавцем, вы кажетесь вполне приличным человеком.

Лю Чжэньцин мысленно усмехнулся. Надо же, а детишки-то сообразительные.

— Сам я пока мало что понимаю, — мягко ответил он. — Но рассуждаю точно так же, как и вы. Одно не пойму: откуда у вас, малолетних затворников, столько свежих сплетен? Вас разве не под домашний арест посадили?

— У нас свои каналы информации, — гордо вздернула подбородок Хо Юньцы.

Хо Юньцзянь с улыбкой поспешил объяснить:

— К дяде иногда заглядывают сослуживцы и друзья... Ну и делятся с нами разной... хм, занимательной чепухой.

Лю Чжэньцин понимающе кивнул. Ну еще бы, сослуживцы Хо Фэнле по Парчовой страже — те еще собиратели слухов. Небось перемывали косточки бывшему канцлеру и его связи с генералом прямо на глазах у детей.

— Раз уж этого Жун Шимина схватили, а с вашей семьи снимут подозрения, ваша невеста к вам вернется? — с детской непосредственностью поинтересовалась Хо Юньцы.

Лю Чжэньцин со вздохом покачал головой:

— В суматохе вокруг экзаменов замешано Министерство ритуалов, так что у семьи Цзян сейчас тоже немало хлопот. Да и помолвку мы расторгли совсем по другой причине.

Глаза детей мгновенно округлились, они даже про еду позабыли, подавшись вперед.

— Неужели всё из-за нашего второго дяди? — с непривычным для его серьезного вида любопытством прошептал Хо Юньцзянь.

— Вы ведь потеряли память, но всё еще без ума от него, да? — не удержалась Хо Юньцы.

От такой прямоты Лю Чжэньцин чуть было не поперхнулся рисовой кашей. Он вовремя сдержался и окинул детей долгим взглядом. Их лица выражали крайнюю степень серьезности и сопереживания.

В душе молодого человека мгновенно проснулся неистребимый дух противоречия. Желание подразнить этих наивных созданий пересилило здравый смысл — в конце концов, когда дело доходило до каверзных шуток, Лю Чжэньцин никогда не делал скидку на возраст.

Он уже готов был разразиться драматической речью, как вдруг внутреннее чутье заставило его настороженно оглядеться по сторонам. Ему совсем не улыбалось быть пойманным с поличным за очередным враньем. Но, вспомнив слова племянников о том, что Хо Фэнле покинул усадьбу еще на рассвете, он отбросил сомнения. Его так и подмывало сотворить какую-нибудь глупость.

Приняв глубоко несчастный, страдальческий вид, он горестно вздохнул:

— Ах... Разумеется, всё из-за вашего дяди. Пусть я ничего не помню, но мое сердце по-прежнему принадлежит ему. Если бы не эта безответная, ранящая душу любовь, разве стал бы я в тоске покидать столицу и бежать на край света?

Дети слушали его затаив дыхание.

— Я отдал генералу всю свою душу, — сокрушенно продолжал Лю Чжэньцин, выдавив из себя подобие слезы, — но его сердце холодно, точно лед. И всё же теперь, когда он вновь и вновь бросается мне на выручку, как мне уберечь свое бедное сердце от новой раны? Я пытаюсь гнать эти мысли прочь, но судьба жестока — она поселила меня под одной крышей с моим искусителем. Сегодня я проспал так долго лишь потому, что всю ночь напролет смыкал глаза только ради того, чтобы увидеть его во сне, и предавался бесплодным мечтаниям до самого утра...

Договорив, Лю Чжэньцин скорбно опустил голову, плечи его мелко задрожали от «сдерживаемых рыданий».

Хо Юньцы, никогда прежде не слышавшая столь пылких и трагических излияний, окончательно лишилась дара речи.

Хо Юньцзянь поспешно попытался его утешить:

— Дядюшка Лю, умоляю вас, не надо... не кручиньтесь так! Наш дядя... он просто от природы суров и равнодушен к делам сердечным. Сколько мы его помним, он ни разу ни к кому не проявил благосклонности. Наша матушка и старейшины рода уже всю голову сломали, пытаюсь подыскать ему невесту, но он и слышать ничего не желает.

— Да-да! — горячо закивала Хо Юньцы. — Мой дядя только и думает что о походах да тренировках, остальное его совершенно не колышет. Раньше ему частенько пытались подносить в дар и писаных красавиц, и смазливых юношей, так он на них даже не взглянул — всех сразу к дяде Тяню отправил, конюшни чистить да на кухне помогать. Матушка тогда руками всплеснула, мол, безнадежен парень. И вообще, что плохого в том, что вы мужчина? В нашем роду бывали случаи, когда мужчины связывали свои судьбы друг с другом. Наша ветвь

как раз и берет начало от одного благородного мужа, который когда-то вошел в семью Хо на правах зятя!

Лю Чжэньцин, слушая эти откровения, весьма удивился. Надо же, в былые времена он сочинял про Эрдгоу всякие небылицы, а у того, оказывается, и впрямь на любовном фронте царила полная беспросветность. Неужто парень настолько увяз в ратных делах, что до сих пор не познал вкуса любви? Неужели он настолько отстал в развитии? Или же... тут замешаны телесные недуги? Быть не может, ведь под боком всегда была божественная целительница Ли Синжо.

— Даже если чувства безответны, — тихо добавил Хо Юньцзянь, — не стоит терять надежду. Пока теплится хотя бы слабая искра... Дядюшка Лю, вам...

Обычно красноречивый и не по годам развитый Хо Юньцзянь сейчас откровенно запинался, не зная, как утешить несчастного влюбленного. Хо Юньцы и вовсе растерянно хлопала ресницами.

Брат и сестра испуганно переглянулись, горько пожалев о том, что вообще коснулись этой запретной темы. Им безумно хотелось провалиться сквозь землю или вернуть свои слова назад.

— Неужели это правда? — с затаенной надеждой в голосе протянул Лю Чжэньцин, продолжая комедию. — Вы ведь прежде меня на дух не переносили, считали навязчивым глупцом. А теперь готовы благословить мои чувства к вашему дяде?

— Ну... — замялась Хо Юньцы, пряча взгляд. — Раньше вы и впрямь вели себя немного... назойливо, доставляли кучу хлопот. Но сейчас вы изменились. К тому же, искренняя любовь не заслуживает порицания, кто бы что ни говорил.

Хо Юньцзянь согласно кивнул.

— Какие же вы славные дети, — растроганно прошептал Лю Чжэньцин. — Хо Фэйхань воспитал вас достойными людьми.

Оба ребенка густо покраснели от похвалы. Однако в следующее мгновение Лю Чжэньцин резко сменил тон на лукавый и насмешливый:

— Но...

Договорить ему не удалось. Воздух в комнате словно разом заledenел, а в поле его зрения бесшумно скользнули две фигуры.

Первым шел Дядя Тянь, чье лицо сейчас представляло собой неопишемую гамму чувств — от крайнего изумления до панического ужаса. Следом за ним с абсолютно бесстрастным видом

шествовал сам Хо Фэнле.

Лю Чжэньцин словно подавился собственной слюной и мгновенно умолк, почувствовав себя пойманной за горло птицей.

Да что ж это за проклятье такое?! Они что, издеваются над ним?! Какая нелегкая принесла его обратно именно сейчас? Прежде ему почти всегда удавалось выходить сухим из воды, а в этой новой жизни его словно сглазил кто-то!

— Дядя?! — хором воскликнули испуганные близнецы.

— Дядя, но ведь вы... разве вы не уехали по делам? — запинаясь, спросил Хо Юньцян, растерянно переводя взгляд с кумира на притихшего гостя. Обсуждать любовные пристрастия старших за их спиной было верхом неприличия.

Хо Фэнле остановился у самого порога, не выказывая намерения войти в покои. Дядя Тянь, пряча глаза, замер поодаль.

— Господин Лю...

Лю Чжэньцин судорожно набрал в грудь воздуха, готовый засыпать генерала оправданиями, но тот пресек его попытку спокойным, ровным голосом:

— Только что доложили: все члены семьи Цзян взяты под стражу. Я вернулся, чтобы спросить тебя лично. Твое недавнее похищение, отравление... а также давнее покушение на твою жизнь — у тебя есть подозрения, кто мог за этим стоять?

Молодой человек опешил от столь резкой смены темы. Неужели Хо Фэнле настолько превзошел его в искусстве сохранять невозмутимость, что даже ухом не повел после услышанного?

— Я... я не могу утверждать наверняка, — быстро взял себя в руки Лю Чжэньцин, стараясь отвечать предельно осторожно, чтобы не выдать своего незнания прошлого. — Однако то отравление в усадьбе определенно было делом рук кого-то из домашних. Внутренние распри.

Он не сомневался, что Хо Фэнле, связав арест Цзян с прежними покушениями, уже пришел к определенным выводам.

И действительно, в следующую секунду глаза генерала опасно блеснули, а голос прозвучал глухо и жестко:

— Я понял. Дело будет расследовано до конца.

Лю Чжэньцину на миг показалось, что от могучей фигуры повеяло едва сдерживаемой, смертоносной яростью.

— Кроме того, твоего беглого слугу наконец изловили. Сейчас все домочадцы усадьбы Лю временно содержатся под стражей для допроса, их жизням ничего не угрожает.

— Премного благодарен за заботу, — вежливо отозвался Лю Чжэньцин.

Генерал коротко кивнул и уже развернулся, намереваясь уйти. Вот тут молодого человека по-настоящему проняло страхом. Расплата за глупые шутки настигла его слишком быстро.

— Генерал Хо, постойте! То, что я наговорил ребятам... это была лишь невинная шалость, не принимайте всерьез...

— Я знаю. Можете не утруждать себя объяснениями, — Хо Фэнле замер на мгновение, едва заметно нахмутив брови. В его тоне скользнула тень глухого недовольства. — Вам не о чем беспокоиться, я не приму это на свой счет.

Лю Чжэньцин остался стоять с разинутым ртом, чувствуя себя полным дураком. Он перевел взгляд на Дядю Тяня — старик выглядел так, будто громом пораженный. Очевидно, они слышали весь его монолог от начала и до конца, и преданный слуга принял всё за чистую монету. И лишь Хо Фэнле остался непроницаем, сочтя признание очередной глупой выходкой. Что ж, по крайней мере, небо уберегло его от худшего.

Дядя Тянь поспешил вслед за быстро удаляющимся хозяином, то и дело бросая на него взволнованные взгляды. Когда они миновали ворота двора, старик не выдержал:

— Второй молодой господин...

— Что такое?

— Те слова, что давеча изволил говорить господин Лю... Неужто вы и впрямь считаете их пустой забавой? — с надеждой спросил Дядя Тянь.

Шаги Хо Фэнле на мгновение стали тяжелее, но он не замедлил ход:

— Он просто дурачился, желая подразнить детей. Разве ты сам не заметил?

Старый слуга лишь сокрушенно вздохнул. Сказать по правде, сыграно было столь искусно и проникновенно, что у него самого сердце сжалось от жалости. Ну надо же быть таким ловким пронырой...

Дядя Тянь вдруг замер на месте, в легком замешательстве коснувшись своей седой бороды. В памяти его невольно воскрес образ другого человека — такого же несносного озорника, способного запутать любого своими речами, но под маской шутовства скрывавшего на редкость чистое и преданное сердце.

«До чего же они похожи... Единая кровь, не иначе».

Вдруг до его слуха долетел едва различимый, тихий вздох шедшего впереди генерала:

— Я ему не нравлюсь.

Старик изумленно моргнул и вскинул голову, но Хо Фэнле уже ушел далеко вперед, чеканя шаг. Дворецкий мог видеть лишь его широкую, прямую спину. Старый слуга окончательно запутался в чувствах своего господина. Было ли это мимолетным сожалением или... Нет, глупости. Не мог же их суровый воитель всерьез увлечься молодым господином Лю? Избави бог от таких мыслей...

Тем временем в столовой Лю Чжэньцин медленно повернулся к столу и наткнулся на два свирепых взгляда. Дети выглядели так, словно их только что жестоко предали.

— Вы... вы всё это время нам лгали?! — щеки Хо Юньцы горели от негодования.

— Господин Лю... Как вы могли?! Мы ведь от чистого сердца пытались вас утешить! — даже всегда сдержанный Хо Юньцзянь сейчас едва сдерживал обиду.

— Моя вина, признаю, — самым искренним тоном покаялся Лю Чжэньцин, а затем спешно попытался оправдаться: — Но согласитесь, вам обоим крайне не хватает житейского опыта. Я лишь хотел наглядно показать вам, как коварен этот мир, чтобы вы впредь не верили первому встречному на слово!

— Да ну вас! Вы... вы просто несносный человек! — в сердцах выкрикнула девочка.

Хо Юньцзянь остыл быстрее сестры. Видимо, он и сам подспудно чувствовал подвох в излишне слезливом рассказе гостя. Немного помолчав, мальчик нерешительно спросил:

— Значит... наш дядя вам совсем не мил?

Хо Юньцы тут же метнула в Лю Чжэньцина грозный взор:

— Попробуйте только снова соврать!

Лю Чжэньцин шутливо вскинул руки, моля о пощаде:

— Мои маленькие предки, сдаюсь! Я действительно потерял память и вернулся в столицу лишь затем, чтобы вернуть свое прошлое. Клянусь всеми богами, к вашему дяде я испытываю исключительно глубокую, искреннюю благодарность за его неоценимую помощь! И от всего сердца желаю ему как можно скорее встретить прекрасную суженую, которая подарит вам очаровательную тетушку! Слышите? Искренне желаю!

<http://bllate.org/book/20542/2185913>